

УИЛЬЯМ БЛЕЙК

ПЕСНИ

НЕВИННОСТИ

и

ОПЫТА

Набросок портрета Уильяма Блейка, выполненный Джоном Линнеллом

ПЕСНИ НЕВИННОСТИ
И
ОПЫТА,

показывающие два противоположных состояния человеческой души

Перевод с английского Александра Ивановича Матвеева

ПЕСНИ НЕВИННОСТИ
1789

ВВЕДЕНИЕ

По девственным долинам, шагая вниз,
Песнь радости играя на дудочке своей,
На облачке дитя сидящее увидел я,
И мальчик мне сказал с улыбкой:

– Сыграй мне песнь об агнце! –
Я с радостью играл ему.
– Играй же песнь, играй ещё! –
И я играл, а мальчик, слушая, от радости рыдал.

– Отставь свою дуду, дуду весёлую
Напой мне песенки задорные, –
И пел опять я песни радости своей;
И мальчик, слушая, рыдал.

– Присядь-ка с дудочкой своей
И книгу напиши, чтоб песни все могли прочесть, –
Сказал он, в небе растворившись.
А я пошёл и выдернул тростник,

И сделал чудное перо,
Развёл в воде чистой краски,
И песни радости сложил для вас,
Чтоб каждый ребёнок мог слушать на радость себе.

ВВЕДЕНИЕ

Над долиной – песнь дуды,
Там, на облачко взойдя,
Средь клубящейся воды,
Молвит мне, смеясь, дитя:

– О ягнёнке песнь играй! –
Было радостно играть.
– Душу песней не терзай! –
Мальчик в небе стал рыдать

– Пусть свирель чуть помолчит,
Песню радости мне спой! –
Песня прежняя звучит,
Мальчик плачет сам не свой.

– Сядь, певец, и напиши
Книгу радостных стихов, –
Мальчик тот исчез в тиши,
Средь кустистых облаков.

И перо я заострил, –
Мне открылся счастья сад.
Где бы ты, малыш, не жил,
Будешь песням моим рад.

ПАСТУХ

Добра и хороша судьбина пастуха, –
С утра до вечера он бродит
За овцами своими вслед,
И речь его струится славословьем.

Невинный зов ягнят он слышит,
И блеянье разнеженных овец,
Он настороже, а овцы спокойны,
Зная, что вблизи пастух.

ПАСТУХ

Как прекрасна судьба пастуха! –
Целый день за отарой бродить.
И с утра до закатных минут
Средь идиллии сладостной жить,

Где невинных ягнят слышен зов,
Мамы-овцы им блеют в ответ,
И все знают, что рядом пастух, –
Для отары опасности нет.

ГУЛКИЙ ЛУГ

Наше солнце встаёт –
И радостно под небесами!
Колокольчики звоном
Зазывают весну,
Небо чистое, с радостью
Птицы поют на кустах.
Наши игры весёлые
Отражаются эхом в гулких лугах
Громче колокольчиков.

Джон седовласый,
Сидя под дубом
Среди стариков
Смеётся беззаботно,
И все смеются
Над нашими играми.
Старики говорят:
– Словно наши игры былые,
Все те же девочки и мальчики,
Играют на Гулком лугу.

Пока малыши угомонятся,
Не сможет забыться никто
Под солнцем закатным,
Но пора: от игр – ко сну.
Сестрёнки и братья –
Птенчики в гнёздышке –
Обвили своих матерей, задремав на коленях,
Тишина на вечернем лугу.

ГУЛКИЙ ЛУГ

И солнце встаёт,
И небо поёт,
И воды звенят,
И птицы летят, –
Приходит весна
Любовью полна.
И слушает Джон
Бубенчиков звон –
Восторг в голосах,
Звень эха в лугах.

Но Джон наш седой,
В согласье с судьбой,
Под дубом сидит,
Друзьям говорит:
– Мечтаем в тени,
А помнятся дни,
Вот так же весной
Был мир молодой
И пела в сердцах
Звень эха в лугах.

На небе закат,
И дети галдят
Под сенью дубрав,
Устав от забав.
Кончается день,
Сгущается тень.
Пора ребятам
Забиться во сне.
И эхо уснёт,
Но завтра придёт.

ЯГНЁНОК

Маленький ягнёнок, сотворил тебя кто?

Знаешь ли, чьё ты творенье?

Жизнь тебе дал, одарил тебя пищей

У ручья на лугу.

Дал восхитительную одежду –

Самую мягкую, шерстяную, светлую,

Голос нежнейший дал тебе,

Радующий доли окрест?

Маленький ягнёнок, сотворил тебя кто?

Знаешь ли, чьё ты творенье?

Маленький ягнёнок, я скажу тебе,

Маленький ягнёнок, я скажу тебе:

У Него есть имя,

Он же зовёт себя Агнцем Божьим,

Так тих и кроток

Он подобен ребёнку.

Я – ребёнок, а ты – агнец,

Зовёмся именем Его.

Маленький ягнёнок, да благословит тебя Бог!

Маленький ягнёнок, да благословит тебя Бог!

АГНЕЦ

Маленький агнец, кто создал тебя?
Знаешь ли, агнец, кто создал тебя?
Жизнь тебе дал и еду предложил,
Луг у ручья для тебя сотворил,
Рунное платье тебе присмотрел, –
Радость кто дал тебе, милый пострел?
Юный твой голос звучит среди долин, -
В мире прекрасном такой ты один.
Маленький агнец, кто создал тебя?
Знаешь ли, агнец, кто создал тебя?

Маленький агнец, я правду скажу,
Маленький агнец, я правду скажу:
Имя Его – это имя твоё,
В мире небесном Он словно дитё, –
Сам он, как агнец – и кроток и чист,
Взгляд Его ясен и добр, и лучист.
Есть Он во мне и в тебе тоже есть,
В мир Он принёс благодатную весть:
Маленький агнец, храни тебя Бог!
Маленький агнец, храни тебя Бог!

ЧЁРНЫЙ МАЛЬЧИК

Мать меня родила на диком юге,
И я – чёрный, зато душа – бела;
Английский ребёнок – белый как ангел,
Чёрный я, словно света лишён.

Мать учила, под деревом сидя,
Рано, до начала дневной жары;
На колени меня посадила и, целуя,
Показав на восход, начала говорить:

"Посмотри на солнце: там живёт бессмертный Бог.
Он даёт нам свет и тепло;
На деревья, цветы, зверей и людей
Нисходит отрада радости утра.

На Земле мало суши, места мало нам,
Чтоб учиться у солнца лучам любви;
Наши тела, загорелые лица –
Как покров, как тенистые рощи.

Когда души с жарой обвыкнутся,
Исчезнет покров, мы голос услышим:
«Выходите из рощ, как агнцы любимые,
Веселитесь под моим золотым шатром".

И целовала моя мать меня.
И теперь скажу английскому мальчику я, что
Когда сбросим покровы: я – чёрный, он – белый,
То вознесёмся словно Агнцы под Господним шатром.

Я прикрою его от жары,
И он, радостный, склонится перед Отцом;
Серебряные волосы Отца я поглажу,
И буду как Он, и Бог полюбит меня.

ЧЁРНЫЙ МАЛЬЧИК

На диком юге мать мне жизнь дала,
И рос в жару я в сумрачной тени.
Хоть чёрный я, душа моя светла,
Она навеки ангелу сродни.

Под деревом с зелёною листвою
Дала мне мама первый мой урок, –
В полнеба солнце встало предо мной,
Она сказала, глядя на Восток:

«Где солнце, там божественный восход,
Оттуда людям, тварям и цветам
Любовь, тепло и свет Всевышний шлёт, –
Молиться будем светлым Небесам.

Немного места на Земле большой,
Чтоб научиться ближнего любить.
И чёрный цвет-покров нам дан судьбой,
Чтоб души светлые в жару хранить.

Когда научимся жару терпеть,
Не будет нужен чёрный наш покров,
Душе тогда под солнцем не сгореть, -
На свет пойдём, услышав Бога зов".

Усвоила душа урок с утра, –
Я мальчику английскому скажу:
"Нам нужен свет Господнего шатра"
Затем на свет его я провожу.

И от жары закрою я его,
И к нам Господь сойдёт с Небес святых.
И мне не нужно больше ничего, –
Коснуться б лишь рукой волос седых.

ЦВЕТОК

Весёлый – весёлый Воробей,
Под листьями зелёными!
Опьянённый Цветок
Видит как ты, быстрый, словно стрела,
Ищешь свою тесную колыбель
У моего Лона.

Милая – милая Малиновка,
Под листьями зелёными!
Радостный цветок
Слышит, как ты рыдаешь и рыдаешь,
Милая, милая Малиновка,
У моего Лона.

ЦВЕТОК

Воробей летает
Средь листвы зелёной.
Радостный цветок
Там его встречает.
Там – ворота рая,
Счастья уголок.

Милая Малиновка!
Под листвой зеленой –
Радостный цветок
Слышит, как ты плачешь.
Там, где слёзы прячешь –
Счастья уголок.

ТРУБОЧИСТ

Когда умерла моя мать, был я совсем мал,
 Даже плакать не умел, не умел рыдать, рыдать, рыдать.
 Отец мой продал меня,
 И вот я чищу трубы и в саже сплю.

Маленького Тома Дэйкра обрили и плачет он по своим волосам,
 Кудрявым, как на спине ягнёнка.
 Успокойся, Том! Не беда. Когда лыс,
 Не испортит сажа белых волос.

И он притих, и именно в ту ночь
 Тому привиделось, что тысячи трубочистов,
 Среди них Дик, Джо, Нед и Джек,
 Были заперты в чёрных фанерных гробах.

Пролетал Ангел мимо с ключом света,
 Гробы отворил, выпуская на волю всех;
 Детвора побежала по зелёным равнинам, вприпрыжку, смеясь,
 Купалась в реке и загорала под Солнцем.

Потом нагие и чистые они бросили сумки,
 И поднялись до облаков, чтоб играть с ветром.
 И Том услышал Ангела: Будешь хорошим мальчиком,
 Бог станет твоим Отцом на вечную радость.

И проснулся Том, и поднялись мы затемно, –
 Волоча наши сумки со щётками;
 И хоть утро холодное, Тому – радостно и тепло.
 Если делать, что должно, зло не страшно.

ТРУБОЧИСТ

Малюткой я был, когда мать умерла,
Отец меня продал в мир чёрного зла.
Теперь чищу трубы и Бога молю,
И в мире недобром весь в саже я сплю.

Приятель мой Том был недавно обрит,
Расплакался он, – голый череп блестит.
«Не плачь по кудрям, Том!», – сказал я ему, –
В трубе, среди сажи, они ни к чему».

Во сне с провидением встретился он,
Был странен его наваждение-сон,
Увидел он в смерти друзей своих лик,
В гробнице лежали Джек, Нед, Джо и Дик.

К ним Ангел явился с волшебным ключом,
Открыл он гробницу – и смерть нипочём,
Смеялись друзья и купались в реке, –
Растаяло горе, как дым, вдалеке.

И сумки забыв на земных берегах,
Летали они в золотых Небесах.
И с Томом тот Ангел весёлый летал,
И с Господом встречу ему предсказал.

А утром проснулся мой радостный Том,
На крышу поднялся он с другом вдвоём.
И Тома теперь ничего не страшит, –
Навстречу судьбе он бесстрашно спешит.

ПОТЕРЯВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

«Отец! Отец! Куда ты идёшь?
Я не могу так быстро ходить.
Отзовись, отец, сыну,
Иначе я потеряюсь».

Ночь – тёмна, далеко отец,
Ребёнок промок от росы;
Над глубокой топью ребёнок заплакал...
И виденье исчезло.

ПОТЕРЯВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

"Мой отец! Отец! Куда ты идёшь? –
Я не могу так быстро идти.
Вдруг потеряюсь – меня не найдёшь.
Отзовись отец сыну в пути".

Мальчик промок от холодной росы,
В тёмной ночи – ужасен конец.
Топь глубока – и страх, и тоска,
И не слышит ребёнка отец.

МАЛЬЧИК НАШЁЛСЯ

Мальчик исчез в безлюдной трясине,
Ведомый блуждающим огнём.
И плакал он, но Господь, всегда рядом,
Явился Он в белом, словно отец.

Целуя ребёнка и взяв его за руку,
Привёл к матери родной;
Что от горя бледна, стелая искала
Сына в пустынной долине.

МАЛЬЧИК НАШЁЛСЯ

Заблудший мальчик среди топких болот
Ведом был обманной звездой.
В глуши без дорог вдруг встал пред ним Бог, –
Ребёнок пошёл за Судьбой.

Любовью наполнилась тёмная ночь,
И горе покинуло мать.
От скорби бледна, светилась она, –
Не надо ей больше страдать.

СМЕЮЩАЯСЯ ПЕСНЯ

Когда роща зелёная смеётся радостно,
А ручей пробегает мимо, журча,
Тогда воздух обдувается весельем шуток,
А цветущий холм наполняется игривостью затей.

Когда луга улыбаются свежей зеленью,
А кузнечик стрекочет от радости,
Тогда Мэри и Сьюзен, и вся Семья
Округлив уста, поют «Ха, Ха, Хэ».

Когда пёстрые птицы резвятся в тени,
Над нашим столом с орехами и вишнями,
Живо иди, будь весёлым, как мы,
Чтоб хор благозвучно пел «Ха, Ха, Хэ».

СМЕЮЩАЯСЯ ПЕСНЯ

В час, когда смехом полны деревья,
И смеётся ручей, и хохочет трава,
В воздухе смех беззаботный плывёт,
Холм раскрывает смеющийся рот.

В час, когда в смехе купается луг,
Радует смехом кузнечик наш слух,
Мери, Сусанна, все дети семьи
Сладко поют нам: "Ха-ха, хи-хи".

В час, когда птицы смеются в тени,
Праздником смеха наполнены дни,
Кров мой и пищу со мной раздели, –
Вместе споём мы: «Ха-ха, хи-хи!».

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сладкие сны, свивайте защитный шатёр
 Над милой головкой младенца;
 Сладкие сны, проплывайте
 В окруженье лунных сияний.

Сладкий сон, словно пух,
 Овекает брови и головку младенца;
 Сладкий сон – нежный Ангел,
 Воспаряешь над моим счастливым дитём.

Сладкие улыбки,
 Охраните в ночи моё чудо;
 Сладкие улыбки – улыбки Матери
 Очаровали вечную ночь.

Сладкие стоны, кроткие вздохи,
 Не прогоняйте сон с моих глаз;
 Сладкие стоны, сладкие улыбки
 Скрашивают кроткие стоны.

Спи, спи, счастливый, малыш:
 Всё мироздание спит с улыбкой;
 Спи, спи, радость, спи,
 А твоя мать поплачет над тобой.

Милый малыш, на твоём лице –
 Отраженье Божественного лика;
 Милый малыш, однажды Создатель,
 Поплакал за меня, равно за тебя.

Совсем крошечным в колыбели
 Он плакал по мне, по тебе, по всем нам;
 Ты – это образ Его,
 Небесный лик в улыбке твоей.

Он улыбается дыханью твоему,
 Крошечный младенец!
 Твоя улыбка – вечная улыбка Его,
 Чарующая небеса и жизнь на земле.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Над младенцем мягкий щит, –
Сон, как пёрышко парит.
Сон над милой головой, –
Свет весёлый, золотой.

Пусть качает лодка сна, –
Ангел нежный и луна
Проплывают тихим сном
Над младенческим челом.

Растекаются в ночи
Мира светлого лучи.
Сны ночные, счастья след, –
Маминой улыбки свет.

Спи, сыночек, тихим сном
В свете чистом, золотом.
Не прогонят твои сны,
Стоны сладкие луны.

Кроткий вздох и сладкий стон,
Не тревожьте детский сон.
Божий мир с улыбкой спит,
Плача, мать твой сон хранит.

Сердце замерло на миг:
Как у ангела твой лик.
Сам Творец тебя создал,
Он за нас за всех страдал.

Плакал Он за нас, за всех,
Чтоб всеильным не был грех.
Благость детского лица –
Свет Небесного Творца.

Свет в тебе, во мне, во всех, –
Спи, тебе неведом грех.
Свет улыбки на устах, –
С нами Бог на Небесах.

ОБРАЗ ВСЕВЫШНЕГО

Милосердию, Состраданию, Миру и Любви
Все молятся в беде;
Мы благодарность шлём свою
Великой доброте.

Милосердие, Сострадание, Мир и Любовь –
Это сам Господь, наш дорогой Отец;
Милосердие, Сострадание и Мир и Любовь –
Это Человек, дитя Господа и Его забота.

У Милосердия – человечесьё сердце,
У Состраданиа – человечесьё лицо,
У Любви – святой человечесий образ,
А Мир – людское обличье.

Так, любой человек в мире,
Что молится в своём горе,
Образу молится людскому –
Любви, Милосердию, Состраданию, Миру.

И все любить должны людской образ
В язычнике, мусульманине или иудее;
Где Милосердие, Любовь и Сострадание,
Там живёт и Господь.

ОБРАЗ ВСЕВЫШНЕГО

О Милости и Жалости, о Мире и Любви
Все молятся, когда беда приходит в дом.
Всевышнему шлют благодарности свои, –
Все добродетели есть в образе Святом.

Для Милости и Жалости, для Мира и Любви
Есть Бог – Небесный Утешитель и Отец,
Для Милости и Жалости, для Мира и Любви
Есть Человек, – о нём заботится Творец.

И Милость с сердцем человеческим живёт,
Любовь есть образ человеческий живой.
И Жалость – облик человечества несёт.
А Мир – людское одеянье и покой.

И каждый человек, живущий на Земле,
Когда он молиться и помощь в горе ждёт,
Свой образ Бога создаёт в житейской мгле, –
И Милость вечная в том образе живёт.

И образ Человека все должны любить,
Неважно кто – язычник, турок или иудей.
Где добродетелям в любви привольно жить,
Там обитает Бог средь праведных людей.

СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

С невинными лицами в Святой Четверг дети
Шагали парами, в красном, голубом и зелёном;
Седые церковные сторожа
Шли впереди с жезлами, белыми, как снег,
Словно поток Темзы достигли они святого Павла –
Храма с золочёными куполами высокими.

Казалось, множеством цветов расцвечен Лондон!
Как в клумбах цветы, дети из себя излучали сиянье;
И был гул толпы, и множество агнцев Божьих было:
Тысячи мальчиков и девочек поднимали
Выше и выше невинные руки;

И подобно могучему ветру, с раскатами грома,
Они возносили свою песнь к небесам.
Там же были пожилые люди, опекуны бедных детей.
Так, храните же сострадание, –
Ангела возле вашей двери.

СВЯТОЙ ЧЕВЕРГ

Святой четверг. Счастливые лица в краю золотом.
Там шествуют дети в красном, зелёном и голубом.
Седые наставники впереди ритуально идут
И Божьих агнцев к собору Святого Павла ведут.

И все как цветы, и в Лондоне много нынче цветов.
Сияние глаз. Тихий гул благодарственных слов.
И светом небесной любви наполняется храм
И тянутся руки невинных детей к Небесам.

Могучим порывом молитва живая летит,
Мелодия Божья в сердцах просветлённых звучит.
Здесь святость и праздник добра милосердных людей.
Будь милостив! Ангел недрёмно стоит у дверей.

НОЧЬ

На западе солнце заходит,
Чтоб зажечься вечерней звезде;
Умолкают птицы в гнёздах своих,
И мне надо уют свой найти.

И Луна, как цветок,
В небесной выси пристанище,
В молчаливом восторге
Улыбается нам в ночи;

Прощай же, зелень лугов,
Весёлые рощи, прощайте,
Где люди так счастливы были,
Где овцы в молчанье щипали траву.
Там светлые Ангелы тихо шагают
И, незримые, шлют непрестанно
Благодатную радость
Каждой почке, каждому цветку,
И всякой спящей душе.

Они заглядывают порой
В беспечные гнёзда,
Где птицы укрыты в тепле;
Они заходят в пещеры каждой твари,
Чтоб уберечь всех от зла.
Если же слышат рыданье
Тех, кто не может уснуть,
Они садятся у изголовья и баюкают их.

Когда волки и тигры воют на добычу,
Они, сожалея, стоят и рыдают;
Пытаясь унять их злобу,
И отвести от овец.
Но если они уж напали,
То ангелы, самые заботливые,
Принимают каждую кроткую душу,
Чтобы переселить в новые миры.

И ярко-красные глаза льва
Будут наполняться золотыми слезами,
И, внимая жалобным возгласам,
Обходя вокруг отары овец,
Он будет говорить: "Гнев кротостью Его,

А болезни здоровьем Его изгнаны
Из наших бессмертных дней.

И теперь возле тебя, блеющая овца,
Я могу лечь и уснуть;
Или думать о Том, кто дал тебе имя,
Выходил тебя и плакал над тобой.
Ибо, моя яркая грива,
Омытая в реке жизни,
Как золото будет сиять,
Пока я буду караулить отару овец".

НОЧЬ

Вечерней прекрасной звезде
Приветствие солнце пошлёт.
И птица притихнет в гнезде,
И ночь мне ночлег принесёт.
В жилище небесном
Сидит безмятежно,
Одна у окна,
В блаженстве Луна.

Прощай, светлый день – мой приют,
Где счастье находит ягнят,
Где ангелы тихо поют,
Где рощи их песни хранят,
Где радость струится
Невидимой птицей
В зелёных лугах,
В звенящих ручьях.

Пусть птица в гнезде тихо спит,
В пещере пусть прячется зверь, –
Всех Ангел Небесный хранит
От зла и житейских потерь.
Бессонницы слёзы,
Сердечные грозы
Он сможет унять,
И душу понять.

И ангелы ищут пути,
Рыдая, страдая, молясь,
Как жертву от волка спасти?
Унять как жестокую страсть?
Житейская речка,
Невинности свечка –
Там светится Дух,
Там молятся вслух.

И свет золотится в глазах
И нет там спасенья от льва.
Пастух, его овцы в слезах, –
Пугают во мраке слова:
«Пусть чудо случится,
И зло испарится.
Пусть светится ночь,

Чтоб страх превозмочь.

Я рядом с отарой в ночи,
Чтоб сон от беды охранять.
Ягнёнок, не плачь, не кричи,
Без страха теперь сможешь спать.
И ночь станет дивом,
Блестит моя грива,
И в мыслях о Нём, –
С Ним ночь станет сном».

ВЕСНА

Звук флейты!
Но он почему-то умолк.
И днём, и ночью
Восторг птиц:
Соловей в лощине,
Жаворонок в Небе.
Весело!
Весело-весело приветствовать Весну!

Мальчик –
Радость через край,
Девочка –
Малышка милая,
Вон, петух кукарекает,
Так пой же и ты!
Радостный возглас,
Гул детей.
Весело-весело приветствовать Весну!

Маленький Ягнёнок,
Вот и я!
Подойди и губами коснись
Моей шейки.
Дай мне погладить
Твою мягкую шёрстку.
Дай мне поцеловать
Твоё кроткое лицо.
Весело-весело мы приветствуем Весну!

ВЕСНА

Флейты звук!
Счастье мук,
Птиц восторг, –
Синь-простор.
Соловей.
Песнь полей.
В небе звон,
Сладость-стон, –
Весело-весело встречаем Весну.

Детства лик, –
Сладкий миг.
Чудный сад,
Чистый взгляд.
Чувства вслух, –
Вешний дух.
Искры брызг, –
Детский визг.
Весело-весело встречаем Весну.

Агнец мой,
Бог земной,
Я люблю
Песнь твою.
Блеск-руно, –
Свет в окно.
Райский мир
Сердцу мил.
Весело-весело встречаем Весну.

НЯНИНА ПЕСНЯ

Когда на лугу – голоса детей,
И смех их отзывается на холмах,
Сердце моё спокойно в груди
Вокруг умиротворенье и тишь.

– Пойдёмте домой, мои дети, солнце зашло,
И приходит ночная роса.
Пойдёмте-пойдёмте, оставьте игры,
Пока в небесах не появится утро.

– Нет-нет, поиграть нам дайте, ведь пока ещё день,
И спать нам ещё не охота;
Смотрите, в небе летают пичужки,
А на холмах – отары овец!

– Ладно, ладно, играйте, пока не померкнет свет, –
А затем – всем домой и в постель.
Малыши стали прыгать, кричать и смеяться.
А холмы отозвались эхом.

НЯНИНА ПЕСНЯ

Когда слышу я игры лугах,
И в смехе купается холм, –
Радостно сердцу в груди моей,
И благодать приходит в мой дом.

– Домой, домой! – в полнеба закат,
Роса оседает в лугах.
И, детям, уже засыпать пора,
Вон звёздочки спят в облаках.

– Нет, нет! Не так ещё темно.
И играм не пришёл конец.
И в небе ласточек полно,
А на холмах полно овец.

– Искрятся звёздочки-огни,
Пора, пора домой теперь.
Но смех не молкнет ребятни,
И с эхом залетает в дверь.

МЛАДЕНЕЦ-РАДОСТЬ

- У меня нет имени,
Мне только два дня.
– Как мне назвать тебя?
– Я счастлив.
Радость – мне имя.
– Сладкая радость выпадет на твою долю!

Милая Радость!
Сладкая Радость двух дней отроду.
Я зову тебя – Сладкая Радость.
Как ты улыбаешься!
А я тебе пою, –
Сладкая радость выпадет на твою долю!

МЛАДЕНЕЦ-РАДОСТЬ

– Всего мне два дня,
И имени нет.
– Назвать как тебя?
– Я – Радость твоя,
И радостен я.
Я – счастья дитя.

– Миленький мой!
Тебе лишь два дня.
Мой солнечный свет!
Тебе я пою.
На песню мою, –
Улыбка в ответ.

СОН

Однажды сон соткался в сумрак
Над моей кроватью, хранимой Ангелом,
И Муравей заблудился в траве,
Где, как казалось, во сне я лежал.

В тревоге, потерявши путь – одинокий,
Окутанный тьмой, измучен блужданьем
Средь поваленных веток,
Горем убитый Муравей возгласил:

«О, дети мои! Плачете вы?
Слышите ли, как вздыхает отец?
Сейчас, может быть, они ищут меня,
И, домой возвращаясь, горюют?».

Страдая, и я уронил слезу;
Но тотчас увидел жука-светляка;
«Кто такой? – спросил. – Что за существо,
Стеная, зовёт ночного сторожа?»

Я – здесь, чтоб освещать землю,
Пока жук кружит рядом с тобой;
Следуй теперь за жужжанием жука,
Маленький странник, домой поспеши».

СОН

На кровати я лежал,
Ангел сон мой охранял,
А во сне том Муравей
Плакал в травке средь корней.

На огромнейшей Земле
Потерял он путь во мгле.
И я слышал как в беде –
Обращался он к Судьбе:

«Дети, слышите ль отца?
Бедам нет моим конца!
Тщетно вам меня искать, –
От кого спасенья ждать?»

Жалость сердце в плен взяла,
Щёку влага обожгла.
Но явился вдруг светляк:
«Не тревожься, глупый, так!

Мой фонарь в ночи горит,
Жук неистово жужжит,
Следуй, милый, за Жуком,
Попадёшь в родимый дом».

О СКОРБИ БЛИЖНЕГО

Могу ли я видеть горе ближнего
И не скорбеть?
Могу ли я видеть страдания людей
И не стремиться утешить их?

Могу ли я видеть мирскую слезу
И не чувствовать, что я тоже разделяю горе?
Может ли видеть отец, как плачет его дитя
И не наполниться печалью?

Может ли мать равнодушно слушать
Стоны её младенца, видеть его страх?
Нет, нет, никогда этому не бывать.
Никогда, никогда этому не бывать.

И может ли Тот, Кто улыбается всем нам,
Слышать скорбь королька?
Слышать печаль и тревогу маленьких птиц,
И стенанья птенцов?

И не сесть около гнезда,
Чтобы пролить слёзы печали им на грудь?
И не сидеть у колыбели,
Проливая слезу над слезой младенца?

И не сидеть рядом и день, и ночь,
Выплакивая все наши слёзы?
О, Нет! Никогда этому не бывать.
Никогда, никогда этому не бывать.

Он искренне дарит свою радость всем,
Он становится маленьким младенцем,
Он становится Человеком горя
И Он тоже скорбит.

Не думай, что ты можешь вздохнуть,
А Творец не будет с тобой.
Не думай, что ты можешь проливать слезу,
А Творца рядом не будет.

О, Он дарит нам свою радость,
Которая будет разрушать наше горе,
Пока наше горе не исчезнет, не уйдёт.
Он будет сидеть подле нас и стонать,

О СКОРБИ БЛИЖНЕГО
Как чужую скорбь понять?
Как чужую боль унять,
Если горе ты не знал,
Если в горе не страдал?

Сердце болью жжёт слеза
И туманятся глаза, –
Разве сдержится отец,
Слыша плач родных сердец?

Разве может не страдать,
От беды сыновьей мать?
Счастьем в горести не быть –
Скорби в радости не жить.

И кому пичуг не жаль,
Если в щебете печаль?
Плачет брошенный птенец, –
Где ты, боль живых сердец?

Не оставит мать гнезда
Ни за что и никогда.
Ранит детская слеза,
В сердце скорбная гроза.

Можно ль сердцем не болеть,
И несчастных не жалеть?
Счастьем в горести не быть,
Без любви людской не жить.

Тот, Кто радость всем даёт,
Как Младенец Сам живёт.
Не чужда Ему печаль, –
Всех Ему несчастных жаль.

Слышит боль твою Отец,
Рядом вечно твой Творец, –
Дум не может быть пустых,
Слёз не может быть чужих.

Радость счастья Он даёт,
В чёрной горести спасёт.
Если слышен чей-то стон,
Знаем – рядом будет Он.

ПЕСНИ ОПЫТА
1794 г.

Фронтиспис к Песням Опыта

ВВЕДЕНИЕ

Слушайте голос Барда!
Кто прозрел Настоящее, Прошлое и Будущее;
Уши его слышат Божье Слово,
Что звучало среди древних деревьев!

Взывая к падшей Душе,
И слезами с вечерней росой обливаясь,
Это Слово может управлять Звёздной осью
И возрождать падающий свет.

"О, Земля! О, Земля, вернись!
Восстань из росистой травы;
Ночь иссякла,
Утро встаёт из сонной тьмы.

Больше не уходи!
Зачем тебе уходить?
Звёздный небосвод,
Берег вод,
Всё – твоё до прихода дня".

Введение

Слушайте, – бард вам поёт,
Прозревая Вселенскую даль,
Песня плывёт,
Слово живёт,
Возвращается время-печаль.

Плачет душою поэт, –
Слёзы неба в вечерней росе.
Звёзды и свет,
Радости след, –
Поклоненье небесной красе:

«О, Земля, Земля! Вернись!
Высыхает росистая ночь, –
Плавится высь,
Светится жизнь,
Сонная тьма удаляется прочь.

Утренний миг сохрани, –
Не спеши совершать новый круг!
Неба огни,
Чудные дни, –
Манит ягнёнка заоблачный луг.

ОТВЕТ ЗЕМЛИ

Земля подняла голову
Из темноты тоски и страха.
Её свет улетел:
Каменный страх!
И волосы Земли омыло седое отчаяние:

"В заточении на берегах вод,
Под присмотром звёзд,
Холод и туман
Наполняют пространство вокруг,
И слышу я Отца человечества:

«Себялюбивый отец людей! –
Жестокий, ревнивый, эгоистичный страх!
Могут ли радоваться в цепях ночи
Юные девы? Как дожить им до утра?

Разве весна скрывает свою радость,
Когда распускаются почки деревьев?
И когда расцветают цветы?
Разве сеятель сеет зерно в ночи,
Или пахарь во тьме бороздит свою землю?

Разорви эту тяжёлую цепь,
Что превращает меня в лёд.
Себялюбивый! Тщеславный!
Вечное проклятье! –
Оно связало оковами свободную любовь!»

ОТВЕТ ЗЕМЛИ

Голову вдруг Земля подняла,
И очнулась от страха-тоски.
Даль светла,
Ночь бела
В космах седых жизни-реки.

Россыпь звёзд в чистом лоне реки,
Без начала она, без конца.
Звёзды близки
И далеки, –
Слышу голос далёкий Творца:

«Себялюбие – горе людей!
А в жестокости прячется страх!
Сбрось скорей
Цепь теней,
Разве может восторг быть в цепях?

Радуют землю солнца лучи, –
Разве бывает с ними темно?
Разве в ночи,
В свете свечи
Сеятель сеет в землю зерно?

Себялюбивый червь-человек,
Сбрось свои цепи, сбрось поскорей.
Вечности Брег,
Счастье навек, –
Счастье любви без границ, без цепей.

КОМ ГЛИНЫ И КАМЕНЬ

"Любовь ли стремится себе угодить,
Или заботы её не о себе?
Отдавая людям свободу,
И строит Рай в Аду отчаянья".

Так крошечный Глины Ком пел нам,
Копытами животных избитый;
Но у ручья гладкий Камень, –
Изрѣк вдруг слова другие:

"Любовь стремится лишь себе угодить,
И наслажденья ради подчиняет других,
И радуется потере свободы чужой,
И строит она Ад под сенью Небес".

КОМ ГЛИНЫ И КАМЕНЬ

«Любовь не для себя живёт,
Она и грех, и благодать, –
Восторг и страсть другим несёт,
Она способна рай создать!».

Так спел нам глиняный комок,
Среди копыт забывший свет.
Но камня звонкий голосок
В ручье пропел другой куплет:

«Любовь живёт лишь для себя,
Любви не ведом грех и страх.
Она, любя и не любя,
Построит ад на Небесах»!

СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Святое ли дело это
Видеть, как на богатой и плодovитой земле
Детей, доведённых до нищеты,
Кормит безучастная рука ростовщика?

Разве этот дрожащий плач есть песня?
Может ли плач быть песней радости?
О, как много бедных детей!
Это ли поэзия Земли?!

Здесь солнце никогда не светит.
Здесь поля пустынны и голы,
А на пути одни тернии.
Здесь вечная зима.

Ибо там, где и вправду светит солнце,
И где идёт дождь,
Там дитя никогда не может голодать,
И там бедность не угнетает дух.

СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Эту ли святость любить? –
Здесь на богатой земле
Дети живут в нищете,
Жадность ликует во зле.

В песне ли горестный плач? –
Воздух от горя дрожит.
Столько несчастных детей! –
Может ли петь здесь пиит?

Солнце не светит для них.
Голы, унылы поля.
Путь на земле их тернист,
Снегом покрыта земля.

Где-то сияние звёзд,
Где-то смеются дожди.
Там нет голодных детей,
Бедности там не найти.

МАЛЕНЬКАЯ ЛИКА ПОТЕРЯЛАСЬ

Я вижу пророчески:
 Настанет время,
 Земля из сна
 (Осознай глубинный смысл сказанного)

Восстанет для поиска
 Своего кроткого Творца;
 А дикая пустыня
 Станет тихим садом.

В южном краю,
 Где цветы лета
 Никогда не увядают,
 Уснула прекрасная Лика.

Прекрасная Лика,
 Семи лет от роду, сказала,
 Что долго бродила она,
 Слушая пение диких птиц:

«Сладкий сон, приди ко мне
 Под этим деревом;
 Отец мой, мать моя рыдают, –
 "Где же Лика спит?».

Заблудившаяся в дикой пустыне –
 Это ваша маленькая дочь.
 Как может Лика спать,
 Когда её мать рыдает?

Если сердце матери в волненье,
 Лике не уснуть.
 Если мать спокойно спит,
 Лике незачем рыдать.

Лику сон одолел,
 Хищные звери
 Из глубоких лезут пещер
 Насытятся ночью.

Величествен лев,
 Первым видит дитя,
 И – чудо! Он резвится вокруг,
 Ведь клочок земли священный.

Леопарды, тигры играют,
Пока Лика спит;
Старый лев с золотистой гривой
Облизывает шею и грудь её.

Из огненных очей
На её шею
Скатились
Слёзы рубиновые.

А Львица
Сняла с неё скудные одежды,
И звери перенесли
В пещеру спящую девицу.

МАЛЕНЬКАЯ ЛИКА ПОТЕРЯЛАСЬ

Слышу пророчество я:
В неге проснулась Земля.
Сердце от счастья щемит,
Мысль моя в небо летит.

Светом наполненный день, –
Манит прохладная тень,
Мир безмятежный цветёт,
Нежная птица поёт.

В южном далёком краю
Я в свете лета стою.
Время здесь тоже стоит,
Небо на Лику глядит.

Девочка плачет в ответ:
Семь ей исполнилось лет.
Мир без людей, без границ, –
Царство зверей, дивных птиц.

Слушая песни щегла,
Девочка в лес забрела
И потерялась в глуши.
Страшно, – вокруг ни души.

Лица лежит среди корней, –
Сон бы явился скорей.
В горе несчастная мать, –
"Где будет девочка спать?"

Сердце от боли щемит,
Небо несчастья сулит.
Мама от горя умрёт,
Если дитя не найдёт.

День удаляется прочь,
Хмурится тёмная ночь,
Лик свой являет Луна:
Лица среди леса одна.

Хищные звери вокруг, –
Кто же здесь друг, кто не друг?
Ночь затаилась, как зверь,

Что же мне делать теперь?

Львица подходит со львом
К девочке, сломленной сном.
Лев стал лицо ей лизать,
Гривой своей укрывать.

Слёзы по гриве текут.
Тигры со львами ревут.
Жалко лесному зверью
Девочку – Лику мою.

Львица свой кров отдаёт, –
Лику в пещеру несёт.
Добрый и ласковый зверь, –
В счастье открытая дверь.

МАЛЕНЬКАЯ ЛИКА НАШЛАСЬ

Горюет ночь.
Родители Лики ходят
По обширным долинам.
Рыдают пустыни.

Устав и обезумев от горя,
Охрипшие от стонов,
Семь дней, рука в руке,
Они бредут в пустыне.

Семь ночей они спят
В глубине теней,
И снится им – как их дитя
Страдает от голода в дикой пустыне.

По бездорожью, бледные,
Они блуждают,
О, как их стоны жалки, –
Изголодавших, рыдающих, слабых!

Поднявшись женщина дрожащая,
Подкошенная горем мать,
В волненье упала вновь,
И не могла дальше идти.

И муж её нёс на руках,
Наполненную горестной печалью;
Пока на их пути
Не оказался притаившийся лев.

И невозможно повернуть назад,
И вот уже тяжёлая грива льва
Прижала людей к земле.
Затем лев обошёл их кругом..

Принюхавшись к несчастным,
И словно сострада им,
Облизывал лев руки человеческие,
Пока тихонько не встал пред людьми.

Они ему в глаза взглянули,
Дивясь сильней и изумляясь:
Мерцанье утренней зари,

Дух в золотистом ореоле?!

На голове священная корона,
Вниз по плечам подобно мантии
Струилась золотая грива,
И души объял страх смерти.

Но лев сказал: "Последуйте за мной,
Не плачьте о дитяти заблудшей,
Во глубине моей пещеры
Во сне невинном Лика пребывает».

И мать с отцом туда спешили,
Куда вело их провидение:
Дитя среди диких тигров лицезрели,
Невинность славили земных царей.

Досель живут они, как ангелы
В разбуженной долине;
Ни волчьих воев не боятся,
Ни рыка досточтимых львов.

МАЛЕНЬКАЯ ЛИКА НАШЛАСЬ

Горе устало рыдать,
Лику устали искать.
Знает лишь тёмная ночь,
Где ты, заблудшая дочь.

Папа и мама бредут, –
Лику никак не найдут.
Семь затуманенных дней, –
Слёз безутешных ручей.

Горем убитая мать, –
Где же ребёнка искать?
Сердце болит день и ночь:
«Где наша бедная дочь?»

Мир этот мрачен и дик,
Глохнет здесь жалобный крик.
Звёзды дрожат в облаках,
В небе запрятался страх.

Женщина валится с ног, –
Где ты, всевидящий Бог?
Сил не хватает идти, –
Как бы не сбиться с пути.

Зверь кружит тенью вокруг,
Грозно сужает свой круг.
Когти острее ножей,
Искры летят из ноздрей.

Вдруг среди тёмных дерев
Путь преграждает им лев.
Тщетно от зверя бежать,
Тщетно спасенья искать?

Лев во весь рост вдруг встаёт,
Жаром своим обдаёт.
Лижет он руки людей,
Гладит их лапой своей.

Лёгкий струящийся свет,
Людям опасности нет, –

Светится кротостью лев,
Молвит он им нараспев:

«Следуйте прямо за мной,
В нижний дворец золотой,
Стоит ли плакать-рыдать? –
Лику легко отыскать.

Лица устала и спит,
Сон её львица хранит".
Гривой – виденье встаёт,
Вниз за собою ведёт.

В тёмной пещере-дворце –
Свет на девичьем лице.
Тигры свирепые в ряд
Рядом с малышкой лежат.

В царство лесное теперь
Людам распахнута дверь.
Лев под волшебной звездой –
В свете любви неземной.

ТРУБОЧИСТ

Маленькое чёрное существо на снегу:
Горестный плач, рыдающие песни горя!
– Где твой отец и мать? Скажи?
– Они оба ушли в церковь молиться.

Так как я был весёлым в мире пустынном
И смеялся среди зимних снегов,
В смертные одежды меня облекли,
И научили песни горя петь.

И потому что я как бы счастлив, пою и танцую...
Они думают, что не нанесли мне обиду
И ушли без меня прославлять Бога и священника и короля,
Тех, кто сотворил Небеса из наших страданий.

ТРУБОЧИСТ

Малыш чумазый, гость ветров,
Рыдает горько средь снегов.
– Где мать, где твой отец? Ответь».
– Ушли молитвы в церкви петь.

Весёлым был я в мире зла,
И потому меня родня
В одежды смерти облекла, –
Лишь песни горя у меня.

Пою на крыше я у смерти на краю,
Не ведают они моих обид:
Молитвы Богу шлют, Кюре и Королю,
Из-за кого рыдаем мы навзрыд.

ПЕСНЯ НЯНИ

Когда на лугу голоса детей
И шёпот деревьев я слышу,
Дни моей молодости оживают в памяти,
Моё лицо молодеет.

Идите домой, мои дети, солнце зашло,
И скоро опять ночная роса!
Ваша Весна и дни ваши в играх,
А ваша Зима и ночи в обмане.

ПЕСНЯ НЯНИ

Когда ребячьи игры звучат в лугах,
И шёпот времени томит,
То юность возвращается ко мне,
Моя душа без слов болит.

Приходит время, и закат поёт,
Но росы травы холодят
И молодость накрыла тень, –
Зима и ночь обман творят.

БОЛЬНАЯ РОЗА

О, роза, ты больна.
Невидимый червь,
Что летает в ночи,
С воющим ураганом

Нашёл твоё лоно
Багровой радости.
И его тёмная, тайная любовь
Жизнь твою разрушает.

БОЛЬНАЯ РОЗА

Ты, роза, больна, –
Невидимый червь,
Ликуя в ночи,
Прополз в твою дверь.

И помнит постель
Любовный восторг,
Но чёрную жизнь
Ты влачишь с этих пор.

МУХА

Маленькая муха,
Твою забаву летнюю
Смела бездумно моя рука.

Послушай, разве я не как ты?
Или ты – творенье,
Не такой же существо как я?

Ибо я танцую,
И пью, и пою,
Пока чья-то слепая рука
Не остановит мой полёт.

Если мысль, – нашей жизни воля
И сила и дыханье,
А отсутствие мысли – смерть,

Тогда я –
Счастливая муха,
И жизнь, и смерть для меня – ничто.

МУХА

Ты, муха, живёшь
Всегда на свету.
Тебя вмиг рука
Сметёт на лету.

И я ведь, как ты,
И ты ведь, как я.
Твой миг – это жизнь,
И миг – жизнь моя.

Пока я живу, –
Танцую, пою,
Слепая рука
Смахнёт жизнь мою.

Коль мыслишь – живёшь,–
И жизнь – круговерть.
Желанья твои
Без мысли есть смерть.

И радость во мне,
Как свет по утрам.
Живу – не живу,
Умру – не умру.

АНГЕЛ

Мне сон приснился! Что бы значил он?

Я – Незамужняя Царица,
Под охраной милосердного Ангела;
Безумная печаль овладела мной!

И плакала я и ночь, и день,
И Ангел вытер слёзы мне,
И плакала я и день, и ночь,
И прятала от него усладу сердца своего.

И он расправил крылья и улетел,
И вновь вспыхнуло ярко-красное утро;
И я вытерла слёзы, прикрыла страхи
Десятками тысяч щитов и копий.

Вскоре мой Ангел вернулся,
Но он прилетел он напрасно;
Ибо я была вооружена, и время юности пролетело,
И волосы мои поседели.

АНГЕЛ

Девницей я взошла на трон,
Меня мой Ангел охранял,
Но то был сон, лишь дивный сон,
Никто несчастий в нём не знал.

И я рыдала ночь и день,
Хотя в душе восторг играл.
Но я рыдала день и ночь,
А Ангел тихо утешал.

Он улетел, весна пришла,
И утром роза расцвела.
Растаял страх, исчез в слезах,
Нашла защиту я в шипах.

Но Ангел мой вернулся вновь,
Нашёл шипы, а не любовь.
И нет весны, и я одна,
И душу студит седина.

ТИГР

Тигр, Тигр, ярко пылающий
В ночных лесах;
Что за бессмертная рука, чья фантазия
Могли создать твою вселяющую страх гармонию?

В каких пучинах иль небесах
Вспыхнул огонь твоих очей?
На каких крыльях отважился взмыть он ввысь?
Чья рука вызвалась овладеть огнём?

И чьи руки, искусство чьё
Смогли сплести мышцы сердца твоего?
Кто заставил твоё сердце забиться,
Чья грозная рука? Чья поступь грозная?

Что за молот? Что за цепь?
В каком горне закалён мозг твой?
Что за наковальня? Чья грозная власть
Без страха сковала этот смертельный ужас?

Когда звёзды бросали вниз свои копья
И слезами небеса омыли:
Был ли Он рад, обзрев творенье?
Неужели Тот, Кто Агнца сотворил, сотворил и тебя?

Тигр, Тигр, ярко пылающий
В ночных лесах,
Что за бессмертная рука, чья фантазия
Дерзнули создать эту вселяющую страх гармонию?

ТИГР

Тигр! о, тигр! – ужасный взгляд, –
Два огня в ночи горят.
Чья же воля создала
Сгусток ужаса и зла?

Сила жгучего огня
Не уходит в свете дня.
Можно ль силу усмирить,
Пламя яростное сбить?

Эти мышцы – сталь и ртуть!
Что за сердце прячет грудь?
Сердце молотом стучит,
Зверь во тьме ночной спешит.

Где ты когти смерти взял?
Кто коварный мозг ковал?
Хитрость кто в тебя вложил?
Сеять страх кто научил?

Звёзды смотрят вниз в слезах
Сквозь прорехи в Небесах:
Неужели Бог, любя,
Создал агнца и тебя?

Тигр! о, тигр! – ужасный взгляд, –
Два огня в ночи горят.
Чья же воля создала
Сгусток ужаса и зла?

МОЯ МИЛАЯ РОЗА

Мне цветок поднесли –
Душистей, чем в мае бывает.
Но сказал я, что у меня – своя Милая Роза,
И прошёл мимо милого цветка.

И пошёл я к своей Милой Розе,
Чтобы ухаживать за ней ночью и днём.
Но ревностно Роза моя отвернулась,
И только шипы мне остались в усладу.

МОЯ РОЗА

Лилию нежную встретил весной,
Цвет светозарный меня поразил,
Но отклонил красоту я рукой,
Розу безумно в ту пору любил.

Вскоре вернулся я к розе своей,
Чтобы любимую вечно любить.
Ревность нашёл среди колючих ветвей,
Боль от шипов мне вовек не забыть.

АХ, ПОДСОЛНУХ!

Ах, подсолнух, утомлённый временем,
Отсчитывающий Солнца шаги
В поисках милосердного, золотого края,
Куда устремляются странники.

Молодость в желаньях изнемогшая,
И Дева бледная – схороненная в снегу,
Встают из могил и стремятся
В край, куда жаждет устремиться Подсолнух.

АХ, ПОДСОЛНУХ

Ах, подсолнух, утомлённый временем,
Следуешь за солнцем ты с тоской.
Утомила всех земная тень,
Ищешь край ты в небе золотой.

Юность здесь в желаниях горит,
Дева здесь схоронена в снегах, –
Смотришь ты, подсолнух мой, в зенит,
Где могильный растворился страх.

ЛИЛИЯ

Застенчивая Роза выпускает шипы,
У робкой овечки рога грозны.
Пока Лилия невинна, с ней любви наслажденье,
Ни шипы, ни угрозы не осквернят её чистую красоту.

ЛИЛИЯ

Пусть роза прекрасна, – но боль от шипов,
Овечка смиренна, но бойся рогов.
Лишь лилии цвет, любви чистой свет,
Оставит в душе нестареющий след.

САД ЛЮБВИ

Я пришёл в Сад Любви,
И увидел, что прежде не видал никогда:
Посреди лужайки, где когда-то играл,
Была построена часовня.

И врата у Часовни были закрыты,
«Не входить!», – прочитал на двери;
Обошёл вокруг Сада Любви,
Что был полон когда-то цветов.

А теперь сад был полон могил,
И надгробья на месте цветов;
И священники в чёрном кружили меж них,
Тёрном колючим сковали радостные желанья мои.

САД ЛЮБВИ

Я недавно зашёл в Сад любви,
И застыл в удивленье на миг:
Там, где пели нам песнь соловьи,
Неизвестный часовню воздвиг.

На воротах часовни замок,
Под замком и молитвы, и Ты.
Даже Саду любви невдомёк,
Что его наполняли цветы.

Всех встречает унынье могил,
И шиповник кровавый цветёт.
У монахов в руках там бывшее в шипах, –
И никто ничего не вернёт.

МАЛЕНЬКИЙ БРОДЯГА

Дорогая мать, дорогая мать, Церковь холодна,
А пивная здоровью полезна, тепла.
Скажу, не стесняясь: мне здесь хорошо.
Ты поверь, что даже в Раю не лучше всем будет.

Если б давали нам в Церкви пиво,
И был там огонь для согрева души,
Мы бы пели и молились день напролёт,
Без малейших желаний из церкви уйти.

И Священник молиться бы мог – пить и петь,
И были б мы счастливы как птицы весной;
От суровой мадам, которая служит в Церкви,
Не было бы, для нас, кривоногих детей, ни поста и ни розг.

И Бог, как отец, ликовал, видя нас,
Детей Его, счастливых довольных, как Он.
И не было б споров о дьяволе или пиве,
А делили бы со всеми питьё и одежды.

МАЛЕНЬКИЙ БРОДЯГА

Ах, мама, мама, церковь холодна,
А в баре жизнь теплом всегда полна,
Там забываю я беду и страх,
Такой заботы нет на Небесах.

Но, если б в церкви был бесплатный эль,
Бездомным там давали бы постель,
Молиться б стали все мы день и ночь,
И, может быть, ушли все беды прочь.

И пастор стал бы ближе и родней,
И не было б счастливее детей,
И не было б наставницы-мадам, –
Сиял бы счастьем неподдельным Храм.

Родным Отцом явился б в церковь Бог,
И я, возможно, с Ним обняться б смог.
И Он бы нас простил, и Он бы нас любил,
И Он бы нас ничем не обделил.

ЛОНДОН

На каждой улице, защищённой Хартией прав,
Рядом с полноводной Темзой,
На каждом лице отмечаю
Следы отчаяния и горя.

В каждом вскрике каждого человека,
И в младенческом плаче – страх,
В каждом голосе и в каждом проклятье,
Я слышу сковывающий дух звон кандалов,

Слышу, как плач Трубочиста
Сотрясает церковные своды,
А вздох несчастного солдата глохнет
В крови у стен Королевского Замка.

Но чаще всего я слышу на полночных улицах,
Как бранится юная шлюха,
Проклиная плачь новорожденного ребёнка,
А вместо свадебной кареты – тюремный катафалк.

ЛОНДОН

Брожу вдоль Темзы среди людей,
Здесь скорби улицы полны,
На лицах взрослых и детей –
Печать страданий без вины.

И там, где крик людской и стон,
Где страх детей лишает снов,
Я слышу душу рвущий звон
Сковавших волю кандалов.

Болезнью дышит трубочист, –
Впитал он гарь и дым огней.
Солдат несчастен, – путь тернист,
И льётся кровь за богачей.

Но сердце боль живая рвёт, –
У юной шлюхи бесов бал.
Дитя в утробе слёзы льёт, –
Готов для свадьбы катафалк.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ

Не нужны были сожаленья,
Если б не ведал никто бедность.
И Состраданье нам тоже не нужно,
Если бы все были также счастливы, как мы.

В обоюдном страхе – покой,
Но когда вознесётся любви эгоизм,
Тогда Жестокость вяжет силки,
Осторожно расставляя приманки.

Человек уживается со священным страхом
И омывает землю слезами,
И Покорность пускает корни
Под его стопой.

Вскоре гнетущая тень Таинства
Простирается над его головой.
И Гусеница, и Муха
Кормятся этим Таинством.

Но в Таинстве – плод Обмана,
Румяный и сладкий на вкус;
И в его густой тени
Ворон гнездо уже свил.

Все боги земли и моря
Пытались в Природе то Древо Обмана найти,
Но были все поиски тщетны,
Ибо это Древо растёт лишь в Уме Человека.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ

Мы сможем без жалости жить, –
К чему нищету нам плодить.
И счастье светило б для всех,
И мрачность бы вытеснил смех.

Но в мире главенствует страх,
Жестокость таится в глазах,
Плетёт она тайно силок,
И ждёт, что придёт её срок.

Людской эгоизм там живёт,
И слёзы притворные льёт.
Там древо Смиренья стоит,
Жестокость то древо растит.

Там тайна во взоре совы,
Там черви живут среди листвы,
Из бездны угрюмой ползут,
И мир окружающий жрут.

Румяный и сладостный плод
На древе Обмана растёт.
И ворон, в гнезде там сидит,
И плод тот запретный хранит.

И боги всё ищут во мгле
То древо на нашей Земле,
Но тщетно, – сокрыл его страх,
И Древо лишь в наших умах.

МЛАДЕНЕЦ-ГОРЕ

Погребли мою мать, отец мой рыдал.
Я попал в опасный мир;
Беспомощный, голый, громко кричащий,
Как демон, что в облаке скрыт!

Я бился в отцовских руках,
От пелёнок пытаюсь освободиться.
Весь связанный и уставший,
Больше всего хотел я припасть к материнской груди.

МЛАДЕНЕЦ-ГОРЕ

Не дышит мать! Отец в слезах,
А я беспомощно кричу.
Ждёт дьявол в чёрных облаках,
Когда навек я замолчу.

А я за жизнь свою борюсь,
Пелёнки душат – не вздохнуть,
Душой младенческой молюсь:
Припасть бы к маме мне на грудь.

ДРЕВО ЯДА

О, как был зол на друга я!
Но высказал ярость и гнев мой прошёл.
О, как был я зол на врага!
Но я промолчал, а гнев мой возрос.

И день, и ночь я был в смятенье,
И омывал свой гнев слезами,
И согревал его улыбкой,
И тихой лживостью притворства.

Но рос мой гнев и день, и ночь,
Пока не породил сияющее яблоко.
И враг узрел тот яркий блеск,
И знал мой враг, что яблоко моё.

Когда с небес на землю пала ночь,
Украл он яблоко из сада,
И с радостью увидел утром я
Почившего под деревом врага.

ДРЕВО ЯДА

Я на друга был сердит,
Гнев прощеньем был размыт.
Для врага копил я зло,
Зло со временем росло.

День и ночь я был в слезах,
Со слезами рос мой страх.
Ложный ход я применил,
Злость улыбкой растопил.

Зло ко мне вернулось вновь,
Закипела в сердце кровь.
Древо яда я взрастил,
Влагой зла его поил.

Ночью враг проник в мой сад –
Несказанно был я рад,
Утром враг без чувств лежал:
Зря он плод чужой украл.

ЗАБЛУДШИЙ СЫН

«Никто не любит и не боготворит
Других, как самого себя,
И не способен думать о других
Больше, чем о себе самом.

Отец мой, как могу я любить тебя
Или моих братьев ещё сильнее?
Я люблю тебя как маленькая птичка,
Что подбирает крошки у двери».

Священник сидел рядом и слышал ребёнка;
Дрожа от усердия, он схватил его за волосы,
И потащил за воротник маленького пальто.
И все восхитились поступком Священника.

И, стоя на высоком алтаре,
Сказал он: «Вот что за бес среди нас!
Кто смеет судить
О нашем самом святом Таинстве».

Плачущего ребёнка никто не слушал,
И тщетно рыдали родители его.
Раздели ребёнка до сорочки
И привязали к столбу железной цепью.

И сожгли дитя на святом месте,
Где многих сожгли до него.
И стенающие родители тщетно рыдали.
Не было ли такое на земле Альбиона?

ЗАБЛУДШИЙ СЫН

Любить себя всегда легко,
Но не легко других любить,
Признать святой чужую мысль,
В согласье с этой мыслью жить.

«О, мой Отец, тебя люблю,
И что любви моей сильней?..
Влетит за хлебом в страшный дом
Пичуга, чтоб спасти детей».

Дитя услышал злой кюре,
В церковном рвении схватил
За чуб, за куцый пиджачок,
И к алтарю сопроводил.

И с алтаря клеймил дитя:
«Вот этот дьявол, кто посмел
О тайнах святости судить,
Он с нами спорить захотел».

Никто не слышал детский плач,
Отец рыдал, рыдала мать.
Дитя раздели догола,
Чтоб в цепи святость заковать.

Сожгли ребёнка на костре,
Отец и мать слегли в слезах.
А, может, было то у нас, –
На наших чистых берегах?

ЗАБЛУДШАЯ ДОЧКА

Дети будущих поколений!
 Читая эти полные негодования строки,
 Знайте, что в прежние времена
 Любовь, Сладкую Любовь, считали преступлением.

В золотое время,
 Свободное от зимних холодов,
 Юноша и невинная дева,
 Нагие в солнечных лучах,
 Наслаждались благодатным светом.

Однажды юная пара,
 Полная нежной любви,
 Встретилась в светлом саду,
 Где Священный Свет
 Сбросил завесы ночи.

На лужайке, где они играли
 Начинался рассвет,
 Родители были далеко,
 И никого не было рядом
 И девушка вскоре забыла свой страх.

Утомлённые сладкими поцелуями
 Они договорились встретиться вновь, –
 Когда волнами безмолвного сна
 Наполняется пространство небес
 Когда измученные, усталые странники рыдают.

Явилась пред очи седого отца,
 Сияя от счастья дева.
 Но его любящий взгляд,
 Как святая книга
 Сковал ей ужасом руки и ноги !

Уна! Бледна и слаба!
 Утешь родного отца!
 О, трепещущий страх!
 О, зловещая сладость любви!
 От этого дыбом встаёт седина.

ЗАБЛУДШАЯ ДОЧКА

*Дети грядущих времён,
Рвётся из строк моих стон:
В сердце кричащая боль, –
В прошлом казнили любовь.*

Счастье звонких лет,
Юной пары свет, –
Свет любви летит,
Песнь души звенит,
Сердце с сердцем нежно говорит.

Встреча молодых,
Юных, золотых.
Сад притих живой,
Свет любви святой
Раздвигает занавес ночной.

Юноши восторг,
Светится простор,
Пенье птиц в кустах,
Нет стыда в глазах, –
Дева юная забыла страх.

Поцелуев след,
Свет, бесстыдный свет, –
Но сердца поют,
Новой встречи ждут,
Пред разлукой слёзы горя льют.

Есть всему конец, –
Деву ждёт отец.
Добрый его взгляд
Хуже зла стократ.
Губы девы в ужасе дрожат.

«Уна! Как бледна!
Бедная она!
О, постыдный страх!
Гнев и боль в глазах!
Дрожь седин в отцовских волосах»

К ТИРЗЕ

Всё, что родилось в смертном мире,
Будет поглощено Землёй,
Чтоб свободно возродиться в следующем поколении:
И что мне до тебя?

Мужская и женская Сущности восстали из Стыда и Гордыни,
Проявились утром и исчезли вечером,
Но Милосердье сменило Смерть на Сон;
И поднялись две сущности, чтобы трудиться и рыдать.

Ты, Мать моей Смертной плоти,
Жестокостью сковала моё сердце;
И фальшивыми, обманными слезами
Закрыла мне ноздри, глаза и уши.

Залепила мой рот бесчувственной глиной
И предала меня Смертной Жизни:
Смерть Иисуса освободила меня,
И что мне до тебя?

К ТИРЗЕ

Рождённый смертным, где б не жил,
Найдёт конец среди могил.
Там тлен и вечный мой покой,
Но что же делать мне с тобой?

Отринув гордость, стыд и спесь,
Найду, что жизнь и в смерти есть.
И Божьей милостью она
Вновь станет чем-то вроде сна.

Для смертной участи земной,
Душа дарована тобой.
В ней себялюбие и ложь,
И слепота, и сердца дрожь.

Иисуса смерть нас всех спасла, -
Душа свободу обрела.
Мой рот забит сырой землёй,
Но что же делать мне с тобой?

ШКОЛЬНИК

Я люблю вставать летним утром,
Когда на каждом дереве птицы поют;
Охотник вдали трубит в рог,
А полевой жаворонок поёт со мной,
О! Какая милая компания.

Но должен я утром в школу идти.
О! Это омрачает радость;
Под строгим, изнуряющим присмотром
Дети проводят свой день
Во вздохах и унынье.

Ах! Так временами, поникнув, сижу,
И провожу много часов беспокойных;
Не в книге могу я найти наслаждение,
И не в классах приюта,
Измученный потоками скуки.

Как может для радости птица рождённая
В клетке сидеть и петь?
Как может ребёнок, когда страх донимает,
Опустить хрупкие крылья,
И забыть свою юную весну?

О! Отец и мать, если почки деревьев сбиты непогодой,
А лепестки цветов унесены ветром,
Если нежные побеги лишены
Их радости в весенний день,
Горем и тревогой,

Наступит лето в полной радости,
Появятся ли летние плоды?
Как нам собрать то, что беды разрушили,
Как нам славить год плодородия
Когда порывы зимнего ветра слышны?

ШКОЛЬНИК

С рассветом слышен птичий щебет,
Охотник песнь трубит свою.
Зайдётся жаворонком небо.
Я звуки радости ловлю,
И сам от радости пою.

Но в школу отправляться надо,
И накрывает землю тень.
Там не уйти от строгих взглядов,
Наполнен взрослой скукой день,
А за окном цветёт сирень.

В мечтах из класса убегаю
Судьбе своей наперекор.
И птицей вольною летаю
Я там, где радости простор,
Забыв уроков скучных вздор,

Как может сердце согласиться
В закрытой клетке птицей жить?!
От страха в клетке бьётся птица,
Свободу птице не забыть:
Как можно юность не любить?!

Отец и мать! Когда бутоны
Рука слепая вдруг сорвёт,
Весна ль придёт сквозь страх и стоны,
Сирень весною ль расцветёт?
Кто радость юности вернёт?

Вернёмся ль мы в святое лето,
И будут ли плоды в саду?
И петь ли птицам на рассвете?
И отвести ли нам беду,
Когда живём мы как в бреду?

ГОЛОС ДРЕВНЕГО БАРДА

Благодатная юность, подойди-ка поближе
И смотри: разгорается утро,
Нарождается образ правды новой.
Ни туч, ни сомнений, затмивших разум,
Глупость – бесконечный лабиринт,
Оттого-то тьма и поддразнивает!
Притворщица!
Её корни, переплетённые, вцепились в землю,
Как много молодых легло в пути!
Молодые спотыкаются о кости мёртвых, и, не имея ни знаний, ни опыта,
Желают вести вперёд других, тогда как сами нуждаются в поводе.

ГОЛОС ДРЕВНЕГО БАРДА

Молодёжь призываю:
Вот восторга заря –
Новой правды моря.
Разговоры все глупые прочь!
Пусть исчезнет притворная ночь!
Надоел бесконечный обман
Корни вздора сплелись – не разъять.
Столько павших осталось лежать!
Спотыкаясь о кости всю ночь напролёт,
Молодёжь продолжает бежать,
И, не зная дорог, вновь обман за собою ведёт.

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

У Жестокости человеческое сердце,
А у Ревности человеческое лицо.
Ужас имеет людские очертанья,
А Тайна прячется под людским одеянием.

Людское одеянье – это кованое железо,
Людские очертанья – это огненная кузница,
Человеческое лицо – это закрытое горнило,
А человеческое сердце – это голодная утроба.

Содержание

- 1 Песни невинности
- 2 Введение
- 4 The Shepherd
Пастух
- 5 The Eccoing green
Гулкий луг
- 6 The Lamb
Ягнёнок
- 7 The Little Black Boy
Чёрный мальчик
- 8 The Blossom
Цветок
- 9 The Chimney Sweeper
Трубочист
- 10 The Little Boy Lost
Потерявшийся мальчик
- 11 The Little Boy found
Мальчик нашёлся
- 12 Laughing Song
Смеющаяся песня
- 13 A Cradle Song
Колыбельная
- 14 The Divine Image
Образ Всевышнего
- 15 Holy Thursday
Святой четверг
- 16 Night
Ночь
- 17 Spring
Весна
- 18 Nurse's song
Нянина песня
- 19 Infant Joy
Младенец-радость
- 20 A Dream
Сон
- 21 On Anothers Sorrow
О скорби Ближнего
- 22 Songs of Experience
Песни опыта
- 23 Introduction
Введение
- 24 Earth's Answer
Ответ Земли
- 25 The Clod & the Pebble
Комок глины и камень
- 26 Holy Thursday
Святой четверг
- 27 The Little Girl Lost
Маленькая Лика потерялась

- 28 The Little Girl Found
Маленькая Лика нашлась
- 29 The Chimney Sweeper
Трубочист
- 30 Nurses Song
Песня няни
- 31 The Sick Rose
Больная роза
- 32 The Fly
Муха
- 33 The Angel
Ангел
- 34 The Tyger
Тигр
- 35 My Pretty Rose
Моя милая роза
- 36 Ah! Sun-flower
Ах! Подсолнух
- 37 The Lilly
Лилия
- 38 The Garden of Love
Сад любви
- 39 The Little Vagabond
Маленький бродяга
- 40 London
Лондон
- 41 The Human Abstract
Человеческая сущность
- 42 Infant Sorrow
Младенец-горе
- 43 A Poison Tree
Древо яда
- 44 A Little Boy Lost
Заблудший сын
- 45 A Little Girl Lost
Заблудшая дочка
- 46 To Tirzah
К Тирзе
- 47 The School-Boy
Школьник
- 48 The Voice of the Ancient Bard
Голос древнего барда
- 49 A DIVINE IMAGE
Образ человечества
- 50 Commentary
Комментарии
- 51 Примечание Александра Торопцева «Уильям Блейк (Или «Рожденный в год страшного суда»)